

Aref'jeva, Anastasija; Zvynjac'kovs'kyj, Volodymyr Janovyč

Русско-украинский дискурс киевских шестидесятников

Новая русистика. 2023, vol. 16, iss. 1, pp. 45-52

ISSN 1803-4950 (print); ISSN 2336-4564 (online)

Stable URL (DOI): <https://doi.org/10.5817/NR2023-1-4>

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/digilib.78252>

Access Date: 06. 12. 2024

Version: 20230623

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

Русско-украинский дискурс киевских шестидесятников

Анастасия Арефьева — Владимир Звиняцковский

(Брно, Чешская Республика)

В конце 1950-х – начале 1960-х годов в многонациональной советской литературе громко заявило о себе особенное поколение. Современный украинский историк справедливо называет его «новым, глобальным поколением, которое в значительной степени определило контуры современного мира. [...] В Советском Союзе их называли «шестидесятниками», на Западе — *Sixties' Generation*. Несмотря на то, что молодых людей на коммунистическом Востоке и на капиталистическом Западе разделял Железный занавес и что украинские шестидесятники были немного старше западных *sixties*, между ними было много общего» [НРУСАК 2022, 324]. Но только «в СССР роль рок-звёзд, учитывая широкую популярность литературы, играли поэты — прежде всего Белла Ахмадулина, Андрей Вознесенский, Евгений Евтушенко, Роберт Рождественский. В Украинской ССР была своя поэтическая квадрига: Микола Винграновский, Иван Драч, Лина Костенко, Василь Симоненко» [НРУСАК 2022, 326].

«Кто были мы, шестидесятники?»

С этих слов начинается стихотворение Е. Евтушенко, в котором автор объясняет, чем жили и дышали его поэтические соратники, какие творческие цели перед собой ставили и чего достигли. Феномен шестидесятничества не раз обсуждался и в литературной критике, и самими писателями того времени. Е. Евтушенко, один из ярких представителей поколения, видел роль поэтов-шестидесятников в следующем:

«Давая звонкие пощёчины,
Чтобы не дрыхнул,

современнику,
мы пробурили,
зарешёченное
окно
в Европу
и в Америку». [JEVTUŠENKO 1993]

Это было время ослабления тоталитаризма, развенчания культа Сталина, время так называемой «оттепели», сопровождавшееся ослаблением цензуры, освобождением политзаключённых, постепенным открытием СССР Западу. На контрасте с 30-ми и 40-ми этот отрезок времени очень быстро подарил иллюзорное ощущение свободы.

Советские шестидесятники ярко проявили себя в литературе. В 1955 г. был создан журнал «Юность», целью которого являлись поиск и открытие новых имён. Уже существовавший к тому времени журнал «Новый мир» во главе с А. Твардовским стал площадкой для выражения мыслей интеллигенции, там публиковался А. Солженицын.

Поэты-шестидесятники писали гражданскую, любовную, философскую лирику, они озвучивали идеи равенства людей и мира без границ, у них, по мысли Д. Быкова, была установка на дружелюбие [ВУКОВ 2019]. Для этого поколения характерны активность, чёткая жизненная позиция, прямолинейность, быстрый ответ на происходящие события в стране и мире, поддержка друг друга, вера в лучшее и целеустремлённость. Евгению Евтушенко в августе 1968 г. потребовалось всего два дня, чтобы отреагировать на вторжение войск Варшавского договора в Чехословакию блистательным стихотворением «*Танки идут по Праге*». А Роберт Рождественский прямолинейно и резко обращался к поколению, говоря о «безропотных, еле видимых людях-винтиках», но тут же провозглашал свою оптимистическую веру в человека:

«Я
не верю, —
хоть жгите, —
не верю
в бессловесный
винтичный разум!
Я смиренню
не завидую,
но, эпоху
понять пытаюсь,

я не верю,
что это винтики
с грозным космосом
побратались». [ROŽDESTVENSKIJ 1964, 22]

Откровенность и смелость проявились в творчестве забытого ныне поэта Сергея Поликарпова:

«Едва над входом гробовым
Вчерашнего всея владыки
Рассеется кадильниц дым
И плакальщиц замолкнут клики,
Как воспринимающие власть,
Как будто бы кутьёй медовой,
Обносят милостями всласть
Круг приживальщицкий дворцовый,
А прочим
Вторят старый сказ,
Что бедам прошлым не вернуться...
Меняется иконостас,
Но гимны прежние поются». [VASIL'JEVA 2010]

Процесс поиска и обновления происходил и у украинских шестидесятников. Современный украинский историк пишет об этом поколенческом общественном движении: «Навеянное аналогиями с шестидесятниками XIX ст., оно было не только формальным признаком, символом, но и частью морального и жизненного кредо этой части интеллигенции» [KAS'JANOV 1995, 14]. В творчестве поколения шестидесятников проявились индивидуализм, свобода самовыражения, космополитичность, гуманизм.

Однако одной из важнейших и определяющих черт украинских шестидесятников (причём независимо от родного языка и, соответственно, языка творчества) был интерес к собственной — украинской — культуре: «Украинская интеллигенция неожиданно для себя открыла целый материк национальной культуры высокого качества, и это кардинально повлияло на её самосознание: появилась точка отсчёта, система творческих критериев и координат, собственные, не заимствованные образцы, на которые стоило ориентироваться» [KAS'JANOV 1995, 16].

«...Что всё на свете — только песня На украинском языке»

Историографы украинского XX столетия собрали целую коллекцию высказываний изначально русскоговорящих шестидесятников об одном только жанре украинской культуры — о песне.

«Народные песни, — пишет Я. Грицак, — сыграли свою роль в формировании идентичности украинских шестидесятников» [HRYCAK 2022, 139]. Ведь украинские шестидесятники, напоминает историк, тоже «были продуктом советской системы, ощущали себя советскими патриотами, некоторые даже разговаривали по-русски. Однако многие из них помнили народные песни, которые пели им в детстве родители, которые звучали на украинских свадьбах. Когда они снова слышали эти песни, будучи взрослыми, в аутентичном, а не официальном исполнении, испорченном певцами-пропагандистами, у них внутри что-то обрывалось. Вот как описывал этот опыт математик по образованию и кибернетик по профессии Леонид Плющ (1939–2015) — украинский диссидент, который жил в Советской Украине, но разговаривал по-русски, пока не открыл для себя украинскую культуру: «В украинских песнях, в думах — быть может и есть то самое глубинное украинское. Украинец может называть себя русским и презирать свой народ, он может даже быть палачом своего народа, может не знать его языка, но если он жил в детстве в Украине, то в песне он снова становится украинцем». Трансцендентное измерение украинских песен хорошо передал поэт Леонид Киселёв (1946–1968). Он родился в Киеве сразу после войны, в русско-еврейской семье, в раннем возрасте у него диагностировали лейкемию. В больничной палате, перед лицом смерти, он написал:

«Я постою у края бездны
И вдруг пойму, сломясь в тоске,
Что всё на свете — только песня
На украинском языке.
Лучше и не скажешь». [HRYCAK 2022, 139]

В аспекте нашей темы стоит пристальнее приглядеться к личности и творчеству этого поэта.

В истории шестидесятничества он остался как «Лёня Киселёв». Так любовно называли его друзья-шестидесятники, намного его пережившие: он ведь был среди них самым молодым.

Поэт Леонид Киселёв — коренной киевлянин. Писал на русском и на украинском. Его юношеские стихи были опубликованы в журнале «Новый

мир» с таким указанием авторства: «Леонид Киселёв, ученик 10 класса школы № 37, г. Киев». Стихотворение «Царь», написанное Киселёвым в возрасте семнадцати лет, определённо было смелым. Киевский школьник обличительно и саркастично писал о Петре I, ссылаясь на Т. Шевченко:

«Зачем он нам, державный этот конник?
Взорвать бы — чтоб копыта в небеса!
Шевченко, говорят, односторонне
Отнёсся... Нет, он правильно писал:
«Це той перший, що розпинав
Нашу Україну...»
Не Пётр, а те голодные, простые
В болоте основали Ленинград.
За долгую историю России —
Ни одного хорошего царя». [KISELEV 1963b, 159]

Киселёв не только продолжает вослед Шевченко «петровскую тему», но и откликается на другое, нечто более важное — на размышления об украинском языке.

Л. Киселёв писал стихотворения на русском языке, а к концу своей непродолжительной жизни перешёл на украинский. Значительную роль в этом сыграла и творческая идеология украинских шестидесятников.

Лёнин отец, писатель Владимир Леонтьевич Киселёв, в 1954–1964 гг. работал собственным корреспондентом московской «Литературной газеты» по Украине (интересно, что Лёнин младший брат, Сергей, родившийся как раз в год назначения отца собкором «Литературки», в годы перестройки конца 80-х — нач. 90-х сам работал на этой должности). Таким образом писательская семья Киселёвых оказалась в центре литературной жизни Киева. Друзья и коллеги В. Л. Киселёва часто собирались у него, а какое же украинское застолье без песен? Вот и сюжет для небольшого (три катрена) стихотворения Леонида Киселёва:

«Я позабуду все обиды,
И вдруг напомнят песню мне
На милом и полузабытом,
На украинском языке.

И в комнате, где, как батоны,
Чужие лица без конца,
Взорвутся чёрные бутоны —
Окаменевшие сердца.

Я постою у края бездны
И вдруг пойму, сломясь в тоске,
Что всё на свете — только песня
На украинском языке» [KISELEV 1963a]

Для старших друзей Леонида и младших друзей его отца это стихотворение стало такой же неотъемлемой частью всей их дальнейшей жизни, как сами украинские песни. Почему? Потому что мило, талантливо? Да, но не только поэтому. Всё дело в том, что молодому поэту удалось легко и непринуждённо в едином поэтическом дискурсе совместить:

1. традиционные знаки «украинской темы»;
2. актуальную информацию.

Официальная догма «советской культуры»: она «национальная по форме и социалистическая по содержанию». Стихотворение Лёни Киселёва подрывает эту старую, ещё екатерининскую догму «национальных по форме» украинцев — «племени поющего и пляшущего». Язык останется **полузабытым**, если будет только **милым**, домашним, и «не для всего», а лишь «для песен».

Стихотворение начинается с обид. Мы не знаем, на какие **обиды** жалуется лирический герой. Сопоставление с автобиографическим героем (далеко не всегда корректное в анализе поэтического текста) склоняет нас к сочувствию обиде смертельно больного юноши на несправедливую к нему судьбу.

Как бы то ни было, **обиды** забываются, стоит лишь людям, собравшимся в тесной комнате, затянуть песню

«На милом и полузабытом,
На украинском языке».

Как явствует из этих строк, до того, как запеть по-украински, все эти люди между собою общались по-русски. Наверное это были друзья Лёниного отца, а для Лёни — **чужие лица без конца**, напрашивающиеся на оксюморон «безликие», все как один напоминающие продолговатый белый киевский **батон** с корочкой «телесного» цвета. А сердца этих безликих людей кажутся лирическому герою **окаменевшими** и своим видом (поэтическим взором, как рентгеном, он проникает их тела!) напоминают ему **чёрные бутоны**.

Сравнение в отношении лирического сюжета перспективное: ведь бутонам свойственно раскрываться. Но осознание, посетившее современников (*в украинских песнях, в думах — быть может и есть то самое глубинное украинское*), будет настолько стремительным, а пробуждение чувств таким резким, что **окаменевшие сердца** именно **взорвутся**, а не медленно раскроются, как это обычно бывает с бутонами. Этот центральный образ стихотворения, заключённый в его

центральной строфе, символизирует необратимость прорыва к собственному, внутреннему украинству, свершившегося в сердцах киевских русскоязычных шестидесятников.

Последняя строфа возвращает нас к первой — к **обидам**, к **краю бездны**, к **тоске**. Однако теперь лирический герой ободрён и утешен вновь обрётённым смыслом: ведь не украинский язык только «для песен», а **всё на свете — только песня на украинском языке**.

Да, это трагический стих больного поэта, но именно того поэта, к которому у **края бездны** приходит важное осознание, подарившее силы и вдохновение для дальнейшего творчества, на которое у него ещё оставалось время — около пяти лет — и которое будет теперь вершиться в основном по-украински.

И вот что самое удивительное. Ведь откровение лирического героя ни по сути, ни в контексте русской литературы на темы Украины откровением не является. Что всё на свете только песня на украинском языке — это в русской поэзии, прозе и драме сказано не раз, может быть только не в такой радикальной форме. Да и сама по себе идея в поисках сил для жизни среди **обид и зла**, уготованных нам судьбой, опереться на **племя родное** — это идея романтическая, а в связи с украинской темой — лермонтовская (ср. стихотворение «М. А. Щербатовой»). Однако для «нового, глобального поколения, которое в значительной степени определило контуры современного мира», эта идея стала не просто «новой». Верим, что она и в конечном счёте определит контуры мира, в котором мы живём и будем жить.

Библиография:

- BYKOV, D. (2019): *Šestidesjatniki: literaturnyje portrety*. Moskva.
- HRYCAK, Ja. (2022): *Podolaty mynule: hlobal'na istorija Ukrajiny*. Kyjiv.
- JEVТУŠENKO, Je. (1993): *Šestidesjatniki*. <http://www.bards.ru/archives/part.php?id=59648>. [online]. [cit. 15.03.2023].
- KAS'JANOV, H. (1995): *Nezhodni: ukrajins'ka intelihencija v rusi oporu 1960–80-ch rokiv*. Kyjiv.
- KISELEV, L. (1963a): *Na ukrainskom jazyke...* <https://stihi.ru/diary/baruhs/2014-03-20>. [online]. [cit. 12.03.2023].
- KISELEV, L. (1963b): *Pervyje stichi*. *Novyj mir*, 1963, № 3, s. 159–160.
- ROŽDESTVENSKIJ, R. (1964): *Izbrannaja lirika*. Moskva.
- VASIL'JEVA, L. (2010): *Sud'bina Sergeja Polikarpova*. *Literaturnaja gazeta*, 2010, № 27, s. 1.

Summary

Russian-Ukrainian Discourse of Kyiv *Sixties' Generation*

In soviet culture the *Sixties' Generation* was the genuine phenomenon: energetic, brave and open to the whole world. There were many discussions about them in the previous century and nowadays. The natural will for freedom was a familiar feeling among the *Sixties' Generation*. The definition of freedom itself was a concept of freedom in any possible forms, such as freedom of speech and thoughts or freedom in the choice of clothes to wear. The *Sixties' Generation* was convinced that they had a natural right to their ideas, culture and language.

The Ukrainian *sixties* were sharing the similar ideas as others, but their activities were mostly tied with the conception of the national renaissance, the manifest for national identity and straightening of position of their native language. Leonid Kiselyov was one of the Ukrainian *sixties* who had all of these ideas and was an eminent author among the *sixties* movement.

About the authors

Anastasiia Arefeva, Masaryk University, Faculty of Arts, Department of Slavonic Studies, Brno, Czech Republic, 478722@mail.muni.cz

Vladimir Zvinyatskovsky, Masaryk University, Faculty of Arts, Department of Slavonic Studies, Brno, Czech Republic; Mariupol State University, Faculty of Foreign Languages, Department of Applied Philology, Kyiv, Ukraine, 248157@mail.muni.cz